

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Патриотизм и коллаборационизм
в мировой истории**

КАЗАНЬ

2015

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

П20

*Печатается по решению кафедры всеобщей истории
Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **Э.В. Рунг**;
доктор исторических наук **Е.А. Чиглинец**;
доктор исторических наук **Д.В. Шмелев**

Рецензенты:

доктор исторических наук **В.М. Ловчев** (г. Казань, КНИТУ);
доктор исторических наук **С.Г. Карпюк** (г. Москва, ИВИ РАН)

П20 Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / под ред.
Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та,
2015. – 207 с.

ISBN 978-5-00019-481-2

В данной коллективной монографии ее авторы, будучи специалистами по различным периодам всемирной и отечественной истории, впервые в отечественной исторической науке предлагают исследование феноменов патриотизма и коллаборационизма в период от античности и до современности, на основании разнообразного источникового материала. Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников, занимающихся изучением вопросов войны и мира, политических и идеологических процессов в обществе, а также социокультурных процессов во всемирной истории.

ISBN 978-5-00019-481-2

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

© Издательство Казанского университета, 2015

Вместо заключения

Античные истоки патриотизма и предательства: предварительные итоги исследовательского проекта

Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинец

Данная коллективная монография подводит своеобразный итог реализации трехлетнего исследовательского проекта на кафедре всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ по теме «Патриотизм и предательство в античном мире», поддержанного РГНФ в 2013 г.¹ Цель проекта состояла в том, чтобы дать определение понятиям патриотизм и предательство в Греции и Риме, показать их корреляцию с системами ценностей, идеологией, правом и формированием идентичностей, а также соотнести их с представлениями о патриотизме и предательстве в современном обществе. Актуальность темы проекта определяется непреходящей ценностью такого явления как патриотизм (преданность родине), который имел значение во все эпохи развития человечества, во многом, определяя возвышение или упадок того или иного государства. А научная новизна заключается, в том числе, и в намерении участников проекта исследовать патриотизм в тесной связи с его антиподом – предательством.

С самого начала работы над проектом его участники стремились выяснить, совпадало ли содержание понятий патриотизм и предательство в античном мире с тем, что понимают под ними в современном обществе? Насколько правомерно использование современных определений «коллорабионизм» и «пятая колонна» к явлениям предательства в античности? И можно ли говорить о том, что понятия

¹ Проект № 13-01-00088. Участники проекта: Рунг Э.В. – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории КФУ (руководитель); Е.А. Чиглинец – д.и.н., зав. кафедрой всеобщей истории КФУ; И.В. Востриков – ассистент кафедры всеобщей истории КФУ; С.Г. Карпюк – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН (Москва); А.В. Махлаюк – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

патриотизм и предательство наполнялись различным содержанием в разные исторические эпохи и в различных исторических ситуациях? И каковы различия в отношении к патриотизму и предательству у греков и римлян? Все эти вопросы требовали своего разрешения, а также и предполагали неоднозначные трактовки.

В ходе выполнения проекта на основе сравнения современного патриотизма с патриотизмом древних греков сделан важный вывод о том, что как первый, так и второй имеют сходства в своем проявлении, особенно в том, что касается выражения общечеловеческих ценностных ориентаций. Обращение к конкретному источниковому материалу позволило выделить несколько «уровней» древнегреческого патриотизма. Прежде всего, следует говорить о прирожденном патриотизме (традиционная привязанность к своей родной земле, своим родственникам, своему родному очагу). Проявлялся он в тоске по родине и в осознании необходимости защиты своей родной страны от врагов. Однако, помимо уже упомянутых проявлений патриотизма греков, которые восходят своими истоками к природным свойствам самого человека, греки выработали еще и «гражданский патриотизм», который был результатом становления и развития полиса и полисной идеологии. Этот патриотизм, который был более сложным и неоднозначным явлением, должен был быть присущ каждому добропорядочному гражданину полиса и должен был проявляться в принесении пользы своей родине – полису. Он включал в себя и защиту полиса от врагов в случае необходимости, вплоть до самопожертвования. И результатом этого идеологического оформления «гражданского патриотизма» стало появления соответствующей терминологии, которая, как это весьма показательно, начинает встречаться в текстах древнегреческих авторов только с классического периода. Чаще всего, терминологически древнегреческие авторы связывали патриотизм с привязанностью к своему полису (обозначение *φίλοπολις*), который воспринимался как отечество грека (*πατρίς*) – его «малая родина»².

² Рунг Э.В. 2013, 81–98

При рассмотрении восприятия патриотизма в древнегреческой историографии классического периода был сделан вывод, что в «Истории» Фукидида мы встречаемся с двумя типами патриотизма: традиционным полисным патриотизмом («патриотизм Перикла») и более изощренным и эгоистичным («патриотизм Алкивиада»). И Фукидид, и Ксенофонт использовали слово *πατρίς* («отечество») редко, обычным словом для обозначения отечества было *πόλις*. Поэтому и для Фукидида, и для Ксенофонта патриот – это, прежде всего, *φίλοπολις*. Только Фукидид употреблял абстрактное понятие *φίλοπολι* («патриотизм»), да и то лишь однажды, в речи Алкивиада. Важно то обстоятельство, что современный термин «патриот» (*πατριώτης*) фактически уже встречается в позднеантичный период у греческих авторов, однако, ему в тот период придавали иное значение, отличное от современного (патриот – человек, происходящий из той же самой местности – земляк, сородич, соплеменник)³.

Специально была изучена афинская модель патриотического воспитания, связанная с существованием военно-образовательного института эфебии, особое внимание было уделено ее функционированию в эллинистический период. Значение в процессе воспитания, во-первых, имело формирование нравственных качеств у молодого поколения (мужества, справедливости, благоразумия), а, во-вторых, религиозная и образовательная составляющие, в основе которых лежит обращение молодежи к славному прошлому Афин и уважение обычаев и традиций предков⁴.

Что касается феномена римского патриотизма, то он выражался, прежде всего, в любви к отечеству (*amor patriae*). Согласно определению патриотизма Цицероном (*De leg. II. 2. 5*), из всех общественных связей наиболее важны связи с государством / отечеством, которые, с одной стороны, преобладают, а с другой, включают в себя привязанности к родителям, детям, родственникам, близким, друзьям. Для древних римлян характерна многоплановость концепта родины: ор-

³ Картюк С.Г. 2014, 347–356.

⁴ Востриков И.В. 2014, 3–10.

ганическое слияние «малой родины», гражданской общины (*civitas*) и государства (*res publica*) в единое понятие отечества – *patria*. Однако, в связи с возникновением представления о римской державе как едином культурно-историческом пространстве и Риме как общей родине всех цивилизованных жителей Империи, можно говорить о формировании особого «общеимперского» патриотизма⁵.

В ходе исследования соотношения патриотизма и предательства в древней Греции, становится очевидным, что греки считали патриотизм обязательным достоинством добропорядочного гражданина полиса, а отсутствие патриотизма автоматически приравнивало человека к предателю отечества. Таким образом, предательством греки считали не только действие, направленное непосредственно во вред своей родине, как это общепринято считать, но также и бездействие, отказ от защиты своего полиса в случае военной угрозы, что, вероятно, объяснялось совпадением общественной и военной организации полиса, а также обязательной воинской повинностью⁶.

Обращаясь к теме соотношения предательства и патриотизма на римском материале (в римской императорской армии), становится очевидным, что система правовых норм, касавшихся перебежчиков и предателей, была достаточно действенной, чтобы стимулировать верность присяге. По своей сути и содержанию, эти нормы (включая суровость грозивших предателям наказаний) восходят к практике республиканского периода. Примечательно, что в их идеологическом обосновании акцент делается на верность воинскому долгу и дисциплине, а отнюдь не на личную преданность императору. Это значит, что идея служения государству (*res publica Romana*) оставалась одной из основ римских военных традиций и в эпоху Империи, и способствовала сохранению традиций римского военного патриотизма⁷.

И наконец, еще один круг вопросов, затрагиваемых в процессе реализации научного проекта – это восприятие (адаптация и транс-

⁵ Махлаюк А.В. 2014, 288–299.

⁶ Рунг Э.В., Востриков И.В. 2014, 150–157.

⁷ Махлаюк А.В. 2014, 68–78.

формация) идей античного патриотизма в XX веке. В данной связи обращает на себя внимание «литературная рецепция» и «социально-политическая рецепция» патриотических представлений античности. В первом случае исследуется «казус Дерекы Уолкотта» – лауреата Нобелевской премии по литературе. писателя с островов Карибского бассейна, а во втором – пример Италии при режиме Б. Муссолини. Так, в своем произведении, написанном по мотивам поэм Гомера, Уолкотт использовал античное наследие для формирования «локального» патриотизма в постколониальных странах. Античность стала для Д. Уолкотта неотъемлемой частью культуры своего локуса, что, в свою очередь, совмещает локальный патриотизм неевропейской территории с констатацией принадлежности к европейской, а значит и всемирной культуре⁸. Другой вариант адаптации античного, в частности, древнеримского имперского наследия дает нам пример фашистской Италии. Здесь идеологи фашизма опирались на римскую имперскую идею, а также утверждали идею об избранности итальянской нации (о чем свидетельствовало и отношение к национальным символам, идущим еще от имперского Рима). Все это говорит о том, что для формирования национал-патриотических настроений в обществе фашистские идеологи использовали вульгаризированные, стереотипные представления об Античности, в частности о Римской империи и её создателях⁹.

Таким образом, в результате исследования было продемонстрировано, что патриотизм как конкретное историческое явление, хотя и был всегда связан с общечеловеческими ценностями, мог интерпретироваться и пониматься в различных обществах и в различные периоды истории далеко не однозначно (в этом смысле интересным оказалось сравнение греческого патриотизма с римским, их обоих – с современным, а также рассмотрение рецепции античного патриотизма в современном обществе). Было также показано, что предательство было по своей сути оборотной стороной патриотизма, ибо два этих яв-

⁸ Чиглинцев Е.А. 2013, 272–279.

⁹ Чиглинцев Е.А. 2014, 185–191.

ления в менталитете греков и римлян невозможно было совместить: одно подразумевало отсутствие другого. И, таким образом, предательство не сводилось только к конкретным действиям во вред своему отечеству, но и предполагало действия, которые не направлены на принесение пользы ему. Таким образом, наиболее часто в Греции и Риме понятия патриотизм и предательства трактовались очень абстрактно так, чтобы любые действия гражданина можно было квалифицировать в рамках этих двух полярных категорий.

Уже на этапе завершения проекта было решено сопоставить полученные на материалах изучения античности наблюдения и выводы с подобными же исследованиями, но в другие исторические эпохи. Так родилась, а потом и реализовалась идея данной коллективной монографии, а также началась реализация нового исследовательского проекта кафедры¹⁰.

Литература

Востриков И.В. 2014: Афинский патриотизм и функционирование института эфебии // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2, 3–10.

Карпюк С.Г. 2014: Взгляды Ксенофонта на патриотизм // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова, 14, 347–356.

Махлаюк А.В. 2014: Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 1, 288–299.

Махлаюк А.В. 2014: Перебежчики и предатели в римской императорской армии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 6, 68–78.

Рунг Э.В. 2013: Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры, 2, 304–314.

¹⁰ В 2015 г. РГНФ поддержал проект № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики» (руководитель – д.и.н. Е.А.Чиглинцев), в котором принимают участие и некоторые авторы данной монографии (д.и.н. Э.В.Рунг, доцент Н.Ю.Бикеева), а также профессор кафедры Г.П.Мягков и аспирантка А.В.Ашаева.

Рунг Э.В., Востриков И.В. 2014: Тема предательства и патриотизма в речи Ликурга «Против Леократа» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 156, 3, 150-157.

Чиглинецв Е.А. 2013: «Омерос» = Гомер? История и эпос в творчестве Дерекы Уолкотта // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 155, 3 (1), 272–279.

Чиглинецв Е.А. 2014: Античные истоки патриотических представлений в фашистской Италии // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. Науки, 156, 3, 185–191.